

Борис Соничев
Когти Разума. Книга 1.
Мы - не мясо

18+

Борис Соничев

Когти Разума. Книга

1. Мы - не мясо

<https://litres.ru/74316698>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ты рождаешься в капсуле. Ты не знаешь своего имени. Ты не понимаешь кто ты. Ты улыбаешься, когда тебя ведут на убой. Ты — всего лишь мясо.

На планете Кlover эволюция пошла по другому пути и разумные куры-телепаты правят миром. Они вшивают в мозг людей блаженство, чтобы те сами ложились на разделочный конвейер.

Но однажды «мясо» перестает хотеть стать мясом. Лекс, бывший "бройлер", становится невосприимчивым к телепатии и создает вместе с другими «пустыми» — теми, кого куры не могут контролировать, подпольный отряд-клан, чтобы сломать эту систему. Это история о свободе, которая не дается даром, и о том, что даже в мире, где ты еда, можно проснуться человеком.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Борис Соничев

Когти Разума. Книга

1. Мы - не мясо

Глава

«Свобода — это тишина, в которой ты слышишь себя. Рабство — это гул, в котором тонет твой крик. Мы нарушили тишину, чтобы услышать себя.»

Борис Соничев

КОГТИ РАЗУМА

«МЫ – НЕ МЯСО»

Книга 1

Глава 1

Серый металлический желоб, по которому стекала розовая вода, пах сладковатой гарью. Тысячи босых ступней шаркали по рифлёной резине конвейера, и каждый шаг отдавался в сознании приливом безотчётного счастья. Люди шли

ровными рядами, без остановки, без сомнений — их глаза были полуприкрыты, губы разомкнуты в одинаковых улыбках, словно их нарисовали одним трафаретом. Это было стадо, идущее на убой, и каждое это человекоподобное животное в стаде искренне считало, что идёт домой.

7-9В не отличался от остальных. Он шагал в среднем ряду, чувствуя, как тёплая волна разливается по позвоночнику, поднимается к затылку и обволакивает мозг густым, как мёд, спокойствием. Ты хочешь этого, — шептал внутренний голос, но этот голос не принадлежал ему. Он был чужим, материнским, куриным — он приходил извне и становился его собственной мыслью. 7-9В любил этот голос. Он любил желоб впереди, где линия разделки делила тела на части, и любил металлический запах крови, который смешивался с запахом ошпаренной в кипятке кожи.

Планета Кlover, которую люди когда-то называли Новым Эдемом, давно перестала быть раем для двуногих. Здесь эволюция сделала крутой поворот — не в сторону приматов, а в сторону пернатых. Глубокие, богатые кремнием почвы и мощное магнитное поле планеты способствовали развитию не просто интеллекта, а ментального резонанса. Пернатые аборигены, напоминавшие наших кур, мутировали невероятным образом: их мозг приобрёл способность генерировать и улавливать мозговые нейроэлектрические волны. В про-

цессе миллионов лет эволюции эти куры научились проецировать свои желания в головы других существ и подавлять чужую волю, внедряя иллюзию счастья.

Телепатические куры, именовавшие себя Когтями Разума, стали вершиной пищевой цепочки. Они не уничтожали людей — зачем уничтожать идеальный биоматериал? Они их разводили как скот. Люди были переделаны: им отключили страх, боль и волю, оставив только инстинктивное наслаждение от подчинения. Человек, идущий на убой, испытывал оргазм в последний миг — куры позаботились об этом, встроив в гипоталамус мозга каждого раба искусственный центр удовольствия, управляемый телепатическими импульсами.

Физиология правящей расы была столь же чужда людям, как и их психика. Взрослая курица-телепат была значительно больше человека, чуть более двух метров с вытянутым телом, а когда поднимала голову максимально вверх, распрямляя S-образный изгиб шеи, достигала трехметрового роста. Оперение плотное, водонепроницаемое по всему телу, кроме шеи. Шея не имела оперения в привычном смысле — её перья превратились в гибкие, полупрозрачные антенны, покрытые мелкими ресничками, которые вибрировали от малейших изменений в ментальном поле. Цвет обычных перьев варьировал от пепельно-серого до интенсивно-красного. Чем более насыщенный цвет был у оперения — тем вы-

ше статус особи в их иерархии. Гребень на голове служил резонатором: чем выше и ярче гребень, тем мощнее телепат. Глаза — большие, жёлтые, с горизонтальными зрачками — видели не только свет, но и «свечение» нейронных импульсов. Когда курица смотрела на человека, она видела не только лицо, но и карту его мыслей — горячие точки страха, холодные зоны покорности, мерцающие очаги сопротивления.

Но самое удивительное было в их горле. Куры почти не издавали звуков — они общались телепатически. Лишь изредка, для ритуальных целей, они квохтали, и это квохтание действовало как гипнотический якорь, укрепляя связь. С людьми куры разговаривали с помощью голосовых преобразователей — специальных устройств, крепящихся на шее. Их клюв был не просто органом питания — внутри него находились тонкие вибриссы, ощущавшие чужую боль как прикосновение. Курица-мясник, разделяющая человека на конвейере, чувствовала каждое биение его сердца через металл ножа, и это доставляло ей эстетическое удовлетворение.

Гигантский город кур, или Насест, возвышался над равниной — это был огромный грибной лес, где каждая «башня» была выращена из споры, пропитанной феромонами гриба. Внутри этих живых конструкций текли питательные растворы, пульсировали светящиеся вены, и в каждой ячейке сидела курица, погружённая в транс коллективного разу-

ма. Именно так они управляли миллионами людей — через единую сеть, похожую на улей.

Но иногда, чрезвычайно редко, случался сбой. И тогда рождалась «порча» - любое отклонение от нормы или привычного состояния.

7-9В уже почти дошёл до черты, где конвейер поворачивал вниз, к аэрозольной шпарке и разделочной машине. Его ноги сами ускорили шаг — он чувствовал приближение кульминации. Голос в голове становился всё слаще: «Хорошее мясо. Восьмая партия, 7-9В. Ты хочешь этого. Иди вперёд».

И вдруг — ничего.

Словно струна лопнула. Словно кто-то вырвал динамик из уха. Розовый туман мгновенно рассеялся, оставив после себя холодную, острую пустоту. 7-9В остановился. Впервые в жизни он услышал себя — не голос курицы, а настоящий, собственный внутренний голос, и тот голос сказал: «Где я?».

Он посмотрел вниз. Его руки — худые, покрытые рубцами — дрожали. Он поднёс их к лицу — и впервые увидел линии на ладонях, складки кожи, ссадины. «Это мои... что... руки?» — подумал он. И эта мысль была его собственной,

не навязанной. Он ощутил такую зияющую пустоту в сознании, что его собственный голос показался чужим, бессмысленным шумом, а тело — чужой оболочкой, которое уже не слушалось, а бесконечно проваливалась в эту бездну сознания без единой мысли о спасении.

Конвейер продолжал двигаться. Люди обходили 7-9В, не замечая. Как вода обходит камень. На их лицах застыли те же пустые маски блаженства. Но один из строя, мужчина постарше с татуировкой на шее 7-6А, с культёй вместо левой руки, тоже вдруг остановился. Он повернул голову, и его глаза широко раскрылись. Из его горла вырвался звук, которого никогда не было в этом цехе — настоящий, человеческий вопль ужаса.

— Где я?! Почему у меня нет руки?!

Голос эхом ударился о стены. Конвейер взвизгнул тормозами. Загорелась красная лампа. 7-9В смотрел, как мужчина падает на колени, ощупывая культю, как его лицо искажается гримасой, которую невозможно было описать — это был страх и ужас. Первый страх, рождённый без телепатии. Затем конвейер двинулся снова. Пока это понимание проносилось в голове 7-9В, он видел, как 7-6А уже был зафиксирован в захватах разделочной машины, где первой была отделена голова и сброшена в приемник, из шеи хлынула кровь,

сливаясь в специальный желоб, после обескровливания, конечности, мышцы которых еще подергивались, были отрезаны и разделены на части, а туловище поехало дальше, на потрошение.

Все это быстро пронеслось перед глазами ничего не понимающего 7-9В, но внезапно конвейер опять остановился и в голове 7-9В раздался другой звук — не голос, а удар. Металлический, резкий, как телепатический «пинг». Курица-надзиратель заметила новый сбой. Её мысль пронзила пространство:

«СБОЙ. Блокировка контакта. Испорченное мясо. Изолировать 7-9В. Немедленно».

Теперь этот голос звучал не как материнское тепло, а как визг хлыста. 7-9В попытался подчиниться, но его ноги не слушались. Он остался стоять, глядя, как из тени выходят два человека-охранника — с пустыми глазами и мускулистыми телами. Они схватили его за плечи и потащили в боковой коридор.

Он не сопротивлялся. Он просто смотрел на собственные ноги, которые волочились по полу, и думал: «Почему я слышу свои мысли? Их раньше не было».

Изолятор-санитарий оказался обширной камерой с хирургическим столом посередине. С потолка свисали трубки

с золотистой жидкостью. Стены были покрыты зеленоватой плесенью, которая светилась в темноте. 7-9В грубо швырнули на стол, и его запястья сами легли в стальные захваты — мышечная память, отработанная тысячами таких же процедур.

В углу зашуршали перья. Или то, что от них осталось. Из тени вышла курица-санитар. Её кожа была морщинистой, тёмно-красной, почти без перьев, только редкие серые пучки торчали у основания шеи. Шея у неё была длинная, голая, с редкими наростами, похожими на опухоли. Ее гребень на голове был очень массивный и высокий — яркий признак сильного телепата. Её глаза, круглые и жёлтые, уставились на 7-9В без всякого выражения.

Из манипулятора на ее груди, который также управлялся телепатически, выдвинулся шприц. Игла блеснула под тусклым светом.

— 7-9В, — закрипел её голос, пропущенный через голосовой преобразователь, — видимо твои рецепторы разума перестали реагировать на радость. Мы введём тебе новую порцию. Открой рот.

Куры умели удивительно точно ввести сыворотку радости в мозолистое тело мозга через прокол в мягком нёбе. Про-

цедура болезненная, но не смертельная.

7-9В попытался открыть рот, но челюсти свело судорогой. Он не мог. Впервые он не мог выполнить приказ — потому что в его голове не было приказа, был только его собственный страх.

— Не... не хочу, — выдохнул он.

Курица замерла. Её шея вытянулась. Она приблизила свой клюв к его лицу, и он почувствовал её дыхание — тёплое, пахнущее кислой, полупереваренной кровью.

— Ты хочешь, — сказала она настойчивее, и вложила в эти слова всю мощь телепатического удара.

ПИНГ. Волна золотого света выплеснулась из её глаз, ударила в лоб 7-9В — и отскочила, как от каменной стены. Курица вздрогнула. Её гребень часто задрожал. Она отшатнулась, заскрежетав когтями по металлическому полу.

— Ты... пустой, — прошептал голосовой преобразователь. — В тебе нет нас. Ты — порча.

7-9В поднял голову. Впервые за свою жизнь он увидел страх в глазах курицы. И это зрелище — этот крошечный

миг превосходства — наполнило его странным, незнакомым чувством. Он не знал, как это назвать. Позже он поймёт: это была гордость.

— Впервые, — сказал он вслух, и его голос прозвучал как удар колокола.

Его бросили в клетку. Дверь за ним заскрежетала и хлопнулась, оставив в полной темноте. Только где-то вдали капала вода, и слышалось чужое дыхание — тяжелое, с хрипом.

— Заходи, пустышка, — раздался голос из угла. — Давно не было новых. Я думал, уже не будет очнувшихся от иллюзии радости.

7-9В нащупал рукой стену и прислонился к ней. Когда глаза привыкли к темноте, 7-9В увидел, что он не один тут. Вдоль стен сидели люди — около десятка, прижавшись к стене, с пустыми, ничего не выражающими лицами. Они не двигались, не дышали часто — только их груди мерно вздымались, подтверждая, что они ещё живы.

- Оболочки, — тихо сказал кто-то, проследив за его взглядом. — Их разум стёрли настолько, что мы не можем до них достучаться. Они здесь, но их уже нет.

Он разглядел фигуру старого человека, сидящего на рваном матрасе, который заговорил с ним. Ноги у того были неестественно вывернуты — высохшие, как у кузнечика после линьки. Лицо старика было асимметричным: левая половина изрезана шрамами, правый глаз белый и неподвижный, левый — живой, с хитринкой.

— Кто ты? — спросил 7-9В.

— Я — тот, кто притворялся рабом десять лет, — ответил старик и кашлянул, сплюнув что-то тёмное на пол. — Меня зовут Хорн. Я выучил их язык. Не тот, которым они квохчут, а тот, которым они думают.

7-9В сел напротив. Руки его всё ещё дрожали, но он старался смотреть прямо.

— Они... куры. Они нас едят, — сказал он просто.

— Молодец, — усмехнулся Хорн. — До тебя дошло быстрее, чем до многих. А теперь скажи: что ты почувствовал, когда пропал голос, наполнявший тебя?

7-9В задумался. В его голове не было ни розового тумана, ни золотых нитей. Была только тишина — пугающая, но

настоящая.

— Страх, — произнёс он. — Растерянность и... злость.

Хорн удовлетворённо кивнул. Он протянул худую руку и постучал костяшками по металлической трубе — два коротких, один длинный. И почти сразу из темноты бесшумно выскользнула женщина.

Она была молодой, лет тридцати, с бритой головой и тёмными, прищуренными глазами. На шее у неё висел старый кожаный ошейник, потрескавшийся от времени. Шрам от клюва курицы пересекал её левую щёку тремя параллельными линиями.

— Хорн, заткнись, — сказала она резко. — Он может быть подсадным.

— Посмотри на его глаза, Мира, — ответил Хорн спокойно. — В них нет пелены. Он действительно пустой.

Мира подошла вплотную к 7-9В и нависла над ним. Её тёмные глаза впились в его зрачки. Он чувствовал тепло её дыхания.

— Смотри на меня, — приказала она. — Ты слышишь

сейчас их голоса?

— Нет, — ответил он. — Тишина.

Мира выдохнула, но не расслабилась. Она отступила на шаг, скрестив руки на груди.

— Тогда ты либо чудо, — сказала она, — либо ловушка. Хорн любит чудеса, я — нет. У нас было тридцать «пустых» за последний год. Всех их поймали и скормили птенцам.

— Но я здесь, — возразил 7-9В. — И я не хочу быть едой.

— Все мы не хотим, — усмехнулась Мира. — Вопрос в том, что мы можем сделать.

Хорн жестом остановил её и посмотрел на 7-9В с серьёзностью, которая стёрла с его лица иронию.

— Слушай, парень. То, что с тобой случилось — это не дар. Это дефект. Куры не могут читать «пустых». Но цена — ты будешь слышать самого себя. Настоящего себя. И это страшно. Ты готов к этому?

7-9В сжал кулаки. Его пальцы впились в ладони — боль была острой и настоящей.

— Я хочу знать, кто я, — сказал он. — Меня звали «7-9В». Это всё.

— Имя — это роскошь, — ответил Хорн. — У нас тут только клички. Вот это — Мира. Бывшая донор. Её яйцеклетки забирали для инкубаторов. Она перестала чувствовать радость, когда поняла, что её дети — это либо элитный корм, либо будущие люди-надзиратели. А я — Хорн. Моё тело сломали, когда я попытался украсть яйцо. Но мы — те, кто увидел правду. И мы хотим украсть у них главное.

— Что? — спросил 7-9В.

— Контроль, — прошептал Хорн. — Они правят нашими умами. Мы научились быть пустыми, чтобы не слышать их. Но этого мало. Мы должны научиться останавливать поток мыслей у себя в голове, когда они ищут нас. И, может быть, однажды — ударить в ответ.

- Как вы научились быть пустыми? Почему они не могут вам диктовать свою волю? – спросил 7-9В

- Не спрашивай, парень, как. Возможно, когда-нибудь я расскажу тебе, но пока – нет.

Мира подошла к решётке и прислушалась. Где-то вдалеке

квохтали куры — настоящими голосами, без телепатии. Их смех был похож на скрежет камней.

— Завтра, когда рассветёт, — сказала она тихо. — снова будет обыск. Они будут искать новых «пустых». А нас пове-
дут смотреть казнь.

— Казнь? — переспросил 7-9В. — Кого?

— Казнь одного из нас, который тоже очнулся — ответил Хорн. — Её схватили вчера. Она не сломалась. И они хотят показать нам, что бывает с теми, кто отказывается быть мя-
сом.

7-9В посмотрел на свои руки, на рубцы, на бледную кожу. Он вспомнил лицо мужчины с культёй, его крик, его страх. Он вспомнил, как впервые захотел жить.

— И что, эта казнь вас испугает? Или остановит? — спро-
сил он.

Хорн усмехнулся, и его живой глаз сверкнул в темноте.

— Мы уже мертвы, парень. Нас нельзя напугать и тем бо-
лее остановить. Можно только разозлить.

Рассвет на Кловере был не таким, как на Земле. Грибные леса светились синеватым фосфоресцирующим светом, пронизывающим туман. Арена для казней находилась в центре города-улья, на вершине огромного гриба-«зонтика». Белый, стерильный мрамор, выложенный костями людей, окружал круглую площадь. Тысячи куриц-аристократок сидели на насестах вокруг, их гребни переливались золотом и янтарём. Они не говорили — они передавали мысли, и эти мысли наполняли воздух гулом, похожим на пение.

Этой ночью, когда Хорн заснул, а Мира отвернулась к стене, 7-9В лежал на полу и повторял про себя: «7-9В, 7-9В». Он вспоминал, как это имя звучало в голове, когда он шёл на убой, как оно струилось розовым светом, как оно не принадлежало ему, а было клеймом. Он мысленно перебирал звуки, ища что-то своё — и вспомнил слово, которое бросил Хорн: «Lex» — «ломающий» на древнем языке низших кур. Он повторил его шёпотом несколько раз, и впервые за долгие годы почувствовал, что это имя — его. Не навязанное, не выжженная на шее татуировка, а его собственное.

Лекс стоял между Мирой и Хорном, когда Мира подтолкнула его вперёд к арене, где он увидел женщину и сказала:

- Смотри и запоминай.

Женщина стояла на коленях в центре арены. Молодая, с длинными тёмными волосами, которые падали на лицо. Её руки были связаны за спиной, но она держала голову прямо. Над ней нависла курица с золотыми перьями — Клок-Клок, главный исследователь порчи. Её гребень светился ослепительным белым светом, а глаза были как две сверкающие монеты.

Клок-Клок не издала ни звука. Вместо этого её мысль мягко, почти ласково, проникла в головы всех людей на площади.

«Ты хотела свободу, — сказала она женщине. — Вот она».

Женщина подняла голову. В её глазах не было страха. Была только ненависть.

— Вы не боги, — сказала женщина громко, чтобы слышали все. — Вы — завтрашний бульон.

Клок-Клок чуть склонила голову набок. Её клюв раскрылся — впервые Лекс увидел, как курица улыбается. Клок-Клок медленно расправила левое крыло. Из складки оперения она извлекла длинное маховое перо — не обычное, а специальное, с укреплённым стержнем и зазубренным краем. Такие перья телепаты носили при себе для защиты и на-

падения. Она сжала его подвижными перьями-пальцами на конце крыла, и тотчас остриё описав дугу, вошло в шею женщины как кинжал.

Звук был влажным и хрустящим одновременно. Кровь брызнула красная, настоящая. Тело женщины упало, голова повернулась в сторону Лекса, и её последний взгляд встретился с его глазами.

Она улыбнулась.

Не блаженно. Не покорно. С победой.

Лекс стоял неподвижно. Он не отвёл глаз. Он смотрел на золотое перо, на тушу курицы, на кровавую лужу, которая растекалась по белому мрамору. И в его голове не было ни страха, ни боли. Была только одна мысль, ясная и холодная, как лёд:

«Я не еда».

Мира коснулась его плеча.

— Запомнил? — шепнула она.

— Каждое перо, — ответил Лекс.

И в этом мгновении, когда толпа кур разразилась квохтаньем, похожим на аплодисменты, внутри него зародилось то, чего не было ни у одного человека на этой планете тысячу лет — воля. Не иллюзия, не внушение, а настоящая, дикая, непокорная, своя воля.

Где-то в глубине города, в инкубаторе, яйцо с треснувшей скорлупой начало чернеть. Шепот пробежал по сети Когтей Разума: «Порча растёт».

Но Лекс ничего этого не слышал. Он смотрел на восходящий флуоресцирующий свет грибного леса и знал: это только начало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.